

В одном из местных административных учреждений собрались служащие на общее собрание по поводу облигаций хлебного займа (дело было в июне месяце). Всех опросили, желают-ли купить, все единогласно сказали, что «да желают». Даже баллотировали, и тут же каждый заявлял, кто и сколько желает приобрести, что и записывалось. Все конечно члены профсоюза. Администрация пошла навстречу: денег, понятно, у всех «желающих» не оказалось, – администрация их внесла всех с тем, что вычеты будут постепенные. На этом собрание и разошлось. Поместили в печати, «вот-мол, берите с нас пример». Вдруг дня через два, два «прекрасных существа», сиречь «советские барышни» заявляют – они не хотят приобрести облигации. Заявляют не самой администрации (очевидно храбрости ее хватало), а окольно – через близкого им молодого человека (тоже служащего). Узнали другие участники собрания, всполошились: как-же так, – решали сообща, а теперь нарушать объединение – не хорошо! Спросили, но ответ получился неопределенный, вернее никакого ответа, а обыкновенный, какой присущ большинству «барышен»: «так». Что хочешь то и понимай под этим «так». Дошло до администрации. Та взглянула серьезнее: раз нет товарищеской спайки, раз на слова членов профсоюза нельзя положиться, это уже не члены одной семьи, тут уже нет спайки, о которой нам все время говорят, а потому нет места таким отщепенцам и среди остальных работников. В этом духе было освещено дело местному правлению совработников.

Последнее разделило эту точку зрения и не только убрало двух прекрасных «так» с работы, но исключило их и из членов профессиональной семьи. Быть может поступила и строго даже, но если вникнуть в суть дела, то, пожалуй, и нет. Почему? Да потому, что дисциплина какая-бы то ни была, только тогда и крепка, когда она тесно связывает друг с другом того, на кого она распространяется. А раз этого нет, это уже не дисциплина и тут каждый повезет свое.

Однако заправила нашего Губотделения взглянули на нарушение дисциплины как-то по особому. Пришла «бумажка» которой решение нашего Уездотделения «отменяется». Именно «отменяется», а не предлагается, как-бы это следовало (ну – хотя-бы даже из вежливости), «пересмотреть постановление». Но мало того: предлагается вышеуказанных двух «так» сейчас же возстановить на службе, а время проведенное ими без службы считать за отпуск с уплатой за него из того «учреждения, где они состояли на службе».

Интересно, как реагирует на это Уездотделение, но по моему реагировать оно должно именно в том духе, что и здесь сидят не дети, а взрослые люди, которые ясно сознают, что они выносят и почему именно они выносят в данном случае такое решение. Ведь если строго разобрать, то факт нарушения профессиональной дисциплины на лицо и, следовательно, решение Уездотделения вполне обоснованно, а главное оно необходимо,

как предупреждение против всех тех, кто еще до сих пор не уяснил, что значит быть членом профсоюза, а таких, помимо двух названных «прекрасных советских барышен», найдется еще непочатый угол. Вот почему решение Губотделения нам, кажется, не глубоко продуманным, не проанализированным, а должно быть вынесено было под влиянием «скорбного вида» одной из двух «так», которая говорит ездила сама в губернию добиваться об утверждении своего нарушения профессиональной товарищеской спайки, в чем будто бы сильно содействовал так-же и бывший здесь на пленуме один из представителей Губотделения Союза совработников.